

Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева

Максим А. Пылаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, maximpylaev@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена попытке соотнесения мышления бытия и веры Откровения в современной немецкой евангелической теологии и в русской религиозной философии на примере творчества Э. Юнгеля и А.Ф. Лосева. Автор выявляет уникальность концепции Слова Бога Юнгеля в сопоставлении с событийной природой Слова Бога у К. Барта. Теория нарратива евангельской притчи Юнгеля осмысливается в статье в перспективе поиска общего и особенно с философией символической реальности имени у А. Лосева. Юнгель продумывает событийную природу Откровения как Слова Бога, предложенную К. Бартом, используя фундаментальную онтологию М. Хайдеггера. Он развивает теологическую герменевтическую онтологию, в которой событие Слова Бога обретает черты евангельского нарратива притчи. По мере деструкции, основанной на идее метафизического абсолюта дискурсивной теологии, с точки зрения немецкого мыслителя, свои позиции завоевывает нарративная теология. Для немецкого теолога ядро христианской керигмы – смерть Бога – органически связано с традицией философского атеизма XIX в. и раскрывается в ней не в меньшей степени, чем в теологии и религиозной философии. Русский философ обращается к диалектике Г. Гегеля и феноменологии Э. Гуссерля в понимании события Откровения Бога. Однако пытается встроить их в модель неоплатонической метафизики, из которой они, по его мнению, образовались. Лосев в той мере, в какой он является метафизиком, исходит в концепции имени, в отличие от Юнгеля, из принципа аналогии бытия, а не аналогии веры. Имя для русского философа – это не рассказ, а энергия (сила), обладающая онтологической природой. Имя у него отражает сущность, а не описывает событие. Лосев возвращается назад в Античность, чтобы при помощи концепции символа реанимировать неоплатоническую метафизику, похоронив в ней Платона и неметафизические формы мышления христианской керигмы. Теология Юнгеля фундирует словоцентризм протестантского культа, вносит вклад в экспликацию нововременного образа христианства в протестантизме. Лосев, в свою очередь, не берется

эксплицировать вне метафизики антично-средневековую мистериальную природу христианского культа в православии. Ему необходимо передать в своей философско-богословской мысли не только вербальный аспект события Откровения. Для выражения эстетического и мистического измерения Откровения русский философ привлекает метафизику всеединства с идеей неизменяемого Абсолюта.

Ключевые слова: теология, притча, нарратив, символ, имя, Слово Бога, А. Лосев, Э. Юнгель, К. Барт

Для цитирования: Пылаев М.А. Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 43–55. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-43-55

Narrative theology of E. Jungel and the philosophy of the name of A.F. Losev

Maksim A. Pylaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, maximpylajew@mail.ru*

Abstract. The article is concerned with an attempt to correlate the thinking of being and faith of Revelation in modern German evangelical theology and in Russian religious philosophy on the example of the work of E. Jungel and A.F. Losev. The author reveals the uniqueness of Jungel's concept of the Word of God in comparison with the event nature of the Word of God by K. Barth. Jüngel's narrative theory of the Gospel parable is comprehended in the article in the perspective of finding common ground and especially with the philosophy of symbolic reality, of the name by A. Losev. Jungel thinks through the event nature of Revelation as the Word of God proposed by K. Barth, using the fundamental ontology of M. Heidegger. He develops a theological hermeneutic ontology in which the event of the Word of God acquires the features of the Gospel narrative of the parable. As discursive theology, based on the idea of the metaphysical absolute, is destroyed from the German thinker's point of view, narrative theology wins its positions. For the German theologian, the core of the Christian kerygma – the death of God – is organically linked to the tradition of nineteenth-century philosophical atheism and is revealed in it no less than in theology and religious philosophy. The Russian philosopher refers to Hegel's dialectics and Husserl's phenomenology in understanding the event of God's Revelation. However, he tries to integrate them into the model of Neoplatonic metaphysics, from which, in his opinion, they were formed. Losev, to the extent that he is a metaphysician, proceeds in the concept of name, unlike

Jungel, from the principle of the analogy of being rather than the analogy of belief. The name for the Russian philosopher is not a story, but an energy (force) that has an ontological nature. With him, the name reflects essence rather than describing an event. Losev goes back to Antiquity to reanimate Neoplatonic metaphysics by means of the concept of the symbol, burying in it Plato and the non-metaphysical forms of thinking of the Christian kerygma. Jungel's theology funds the word-centrism of the Protestant cult and contributes to the explication of the new-modern image of Christianity in Protestantism. Losev, for his part, does not undertake to explicate beyond metaphysics the antique-medieval mystery nature of the Christian cult in Orthodoxy. He needs to convey in his philosophical and theological thought not only the verbal aspect of the event of Revelation. In order to express the aesthetic and mystical dimension of Revelation, the Russian philosopher engages the metaphysics of all-encompassing unity with the idea of an unchanging Absolute

Keywords: theology, parable, narrative, symbol, name, God's Word, A. Losev, E. Jungel, K. Barth

For citation: Pylaev, M.A. (2023), "Narrative theology of E. Jungel and the philosophy of the name of A.F. Losev", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 43–55, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-43-55

Христос – это слезы человечества,
развернувшиеся в поразительный рассказ,
поразительное событие.

В.В. Розанов

Теология Слова Бога К. Барта и нарративная теология Э. Юнгеля¹

Современный немецкий протестантский теолог Э. Юнгель предложил в своей основополагающей работе «Бог как тайна мира» проект нарративной теологии. Она должна прийти на смену традиционной дискурсивной теологии и позволить мыслить Бога и говорить о Боге в секулярную эпоху, используя достижения как теизма, так и атеизма. Речь идет о попытке оправдать христианскую керигму в контексте идеи «смерти» Бога Г. Гегеля и Ф. Ницше. Для Юнгеля именно евангельские притчи как особый нарратив позво-

¹Пионером российского юнгелеведения является С.А. Коначева, см. [Коначева 2010, с. 298–316; Коначева 2019].

ляют говорить о Боге как о Боге и о мире как о мире, в котором присутствует Бог. Именно и только притчи как особый нарратив, использующий язык метафор, выступают выражением аналогии веры и через участие в событии Слова Бога преодолевают устаревшие способы мышления Бога как идеи, представленные прежде всего в метафизике. Событие Слова Бога соответствует Богу тем, что позволяет Ему прийти. Поэтому богословие занимается языком, который когерентен распятому Иисусу Христу. В событии, как событии Слова, Бог говорит так, что передает себя. Теологическая ответственность мышления заключается в ответственности слова, которое не добавляется к Богу как то, о чем нужно думать только потом, но в котором Бог присутствует как Бог. Поэтому это слово называется Словом Божиим. Для Юнгеля язык, соответствующий истории – это язык повествования. Язык, соответствующий повороту истории, является нарративом.

Большое влияние на теологию Юнгеля оказал К. Барт. Не одну статью Юнгель посвятил творчеству своего учителя². Автор работы «Бог как тайна мира» идет по пути своеобразной онтологизации концепции Слова Бога позднего К. Барта. В идее «беспочвенности» Бога у Юнгеля смыкаются две перспективы: фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и абсолютной суверенности Слова Бога у К. Барта.

У К. Барта Бог принимает непостижимое для нас суверенное решение стать событием своего Слова³. Для К. Барта Слово Бога и есть Бог в его Откровении. Юнгель связывает свободное решение Бога стать событием своего Слова с отношением Бога к бытию и небытию. Он «беспочвенен» потому, что решает между бытием и небытием. Тем самым Бог не зависит от бытия или небытия. Вопрос о бытии ведет, по Юнгелю, к Богу, но не в качестве необходимой причины бытия [Jüngel 1977, S. 39]. Немецкий теолог, следуя за Хайдеггером, выводит Бога за границы причины сущего, за границы метафизического Абсолюта. Он утверждает мирскую «беспочвенность» Бога, эксплицируя его в бытии самоопределяющегося события. Юнгель выражает эту идею в метафоре «Бог приходит от Бога». Бытие Бога для Юнгеля, как, например, и для прот. Сергия Булгакова, есть не сущность, а отношение. Речь идет о коммуникации в жертвенной любви. Юнгель переформатирует концепцию Слова Бога К. Барта в перспективе нового «места» пребывания Бога и новой формы мышления Бога в качестве альтернативы всем

²См: [Jüngel 1982].

³Barth K. Kirchliche Dogmatik. München: Chr. Kaiser Verlag, 1932. Bd. 1. S. 215.

видам метафизического мышления Бога. У К. Барта событие Слова Бога – это трансцендирующая речь Бога, деятельность Бога и тайна Бога. Слово Бога обладает характером *Anrede* (обращения), то есть оно духовно, лично и коррелирует со слушанием. Оно выступает намерением (*Absichtlichkeit*) Бога и реализует открытость Бога (*Weltlichkeit*) в его сокрытости⁴.

Мышление Бога, по Юнгелю, вытекает из события его Слова. Бог мыслится только как говорящий, то есть раскрывающий себя, присутствующий. Слово Бога у Юнгеля проливает свет на проблему бытия и небытия, возможности и действительности. В перспективе онтологии Слова Бога Юнгель трансформирует метафизическое мышление, в первую очередь метафизику Аристотеля. Бытие Бога понимается немецким теологом не только в единстве с преходящим, но в Слове Бога соединяются реальность бытия и возможность небытия, прошлое, настоящее и будущее [Jüngel 1977, S. 257].

Как и у К. Барта, у Юнгеля Слово Бога – это всегда новый (эсхатологический) способ присутствия Бога. И если у К. Барта событие Слова Бога творит историю и не зависит от логики исторического процесса или структуры космоса, то у Юнгеля Слово Бога прерывает реальность, делает возможным опыт настоящего, отстраняет человека от его «здесь и сейчас». По Юнгелю, Слово Бога становится «актуальным ядром» исторической реальности. К. Барт использует платоническую модель времени в концепции Слова Бога. Вечность у него выступает суверенной по отношению ко времени реальностью. Концепция темпоральности Юнгеля выглядит более оригинальной. Как мы уже отметили, Слово Бога мыслится в связи с бытием и небытием, становящимся прошлым и будущим. В противоположность К. Барту Юнгель мыслит Бога в единстве с преходящим. Создатель нарративной теологии преодолевает аристотелевское, как он считает, негативное отношение к преходящему. Возможность для Юнгеля следует воспринимать в качестве позитивности преходящего. Возможность – это способность становиться. По Юнгелю, Слово Бога сохраняет прошлое, настоящее и будущее как изначальное сосуществование [Jüngel 1977, S. 291]. Преходящее в дискурсе немецкого теолога – это спор между бытием и небытием. Подобная онтология получает обоснование в коммуникативной природе Слова Бога. Бог связан с небытием посредством любви. Он противник небытия, но он творчески относится к небытию, выходит из себя в небытие [Jüngel 1977, S. 301]. Юнгель пишет:

⁴См.: [Пылаев 2017, с. 116–117].

Понимать Бога как любовь – это значит думать о нем как о самокоммуникации [Jüngel 1977, S. 355].

Именно мышление Бога как любви осуществляется на основе его высказываемости (Sagbarkeit), т. е. на основе соответствия между Богом и человеком, которое обеспечил сам Бог. Поэтому нарративная теология должна прийти на смену дискурсивной теологии. Для К. Барта любой человеческий язык, даже нарратив притчи, не может открыть путь к богопознанию. Бог только касается границы экзистенции человека, не касаясь ее. По Юнгелю:

Мышление, которое хочет понять Бога, всегда отбрасывается назад к повествованию [Jüngel 1977, S. 414].

Притча для Юнгеля выражает событие Слова Бога. В своем языковом движении притча направлена на конкретное представление процесса. Она включает в себя обновление языка. Притча говорит с нами с помощью метафор и подобий. Аналогия между божественным и человеческим осуществляется через язык и в языке и определяется отношением между новым и привычным. По Юнгелю, притча включает слушателя в процесс открытия. Открытие имеет характер события открытия.

Изначальное языковое единство свободы и ограничения есть сущность аналогии [Jüngel 1977, S. 397] –

подчеркивает Юнгель. Притча обозначает для него язык веры. Метафоры включают в речь больше, чем в ней есть на самом деле. Метафора, по Юнгелю, основана на катахрезе, которая делает обычное словоупотребление необычным. Но притча не выходит за пределы реальности, а входит в нее. Юнгель пытается разрешить проблему свободы и ограничения в рамках сущности аналогии. Притчи в старом открывают новое. Они, полагает Юнгель, выступают герменевтической моделью для приближения Царства Божия. Теолог отмечает:

В конце притчи Царство Божие само приходит к слушателю, если он позволяет себе быть собранным в притчу [Jüngel 1977, S. 400].

Притча утверждает принципиальное различие мира и Бога. Юнгель подчеркивает, что

притча – это конкретное языковое воплощение аналогии, существующей между Богом и человеком... [Jüngel 1977, S. 406].

Он описывает *analogia fidei* в категориях сходства и несходства. На наш взгляд, это языковая интерпретация бартианской диалектики «наглядного» (*anschaulich*) (т. е. исторического, временного, понятийного, непосредственно переживаемого) и «ненаглядного» (*unanschaulich*) (т. е. неэмпирического, таинственного, божественного). Нарратив притчи, по Юнгелю, включает человека в историю и противостоит мышлению, конституированному эгоизмом «я мыслю». Дискурсивное богословие может стать нарративным только через дискурсивную теорию нарратива.

Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева

А.Ф. Лосев, в той мере, в какой он является метафизиком, исходит в концепции имени, в отличие от Э. Юнгеля, из принципа аналогии бытия. Имя для русского философа – это не рассказ, а энергия (сила), обладающая онтологической природой.

Всякая энергия сущности есть, стало быть, язык, на котором говорит сущность с окружающей ее средой⁵, –

подчеркивает Лосев. Имя у него отражает сущность, а не описывает событие. Само именование для Лосева представляет, как указывает Л.А. Гоготишвили [Гоготишвили 1993, с. 835], «онтологический процесс». Неоплатоническая метафизика у русского философа выводит, как справедливо утверждает А.И. Резниченко [Резниченко 2014], язык за границы «касания божественного и тварных миров». У Юнгеля притча как нарратив, как мы писали, направлена на представление процесса, на событие через языковое движение. Слушатель включен в событие открытия новой реальности. Он входит через нарратив в эту реальность. Сама притча для Юнгеля становится катахрезой для события приближения Бога. Познание Откровения Бога возможно только потому, что Бог воплотился, и поэтому человеческая речь применима к Богу.

Оба мыслителя критически относятся к проекту философии Нового времени. Для Лосева он разрывает связь между явлением и сущностью. Для Юнгеля – нарушает единство сущности и существования в Боге, вставляя между ними мышление человека [Jüngel 1977, S. 136]. Но они совершенно по-разному пытаются преодолеть

⁵Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 81.

«противоречия» философии Нового времени. Юнгель движется вперед к новой концепции нарративного языка Откровения Бога. Лосев возвращается назад в Античность, чтобы при помощи концепции символа реанимировать неоплатоническую метафизику, похоронив⁶ в ней Платона и неметафизические формы мышления христианской керигмы.

Христианизированный Лосевым неоплатонизм воплощает метафизическую идею реализации смысла на разных уровнях бытия, опираясь на антично-средневековое допущение о том, что не существует явления без сущности и сущности без явления. «Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос – лестница разной степени словесности. Человек – слово, животное – слово, неодушевленный предмет – слово. Ибо все это – смысл и его выражения»⁷, – отмечает русский философ. Но философия Нового времени успешно описывает процесс познания, например в феноменологической философии, в которой не предполагается противопоставление сущности и явления, но речь идет о феномене как демонстрации сущности. Можно напомнить также о типах научного дискурса, обходящихся без жесткой связи между явлением и сущностью или просто демонстрирующих явление без сущности.

Для Юнгеля концепт «смерти Бога» от Евангелия и до Ницше заставляет расстаться метафизику и христианство. «Метафизическая идея Бога подавляет мысль и поэтому должна быть отброшена как невысказанная» [Jüngel 1977, S. 279], – утверждает немецкий теолог. Только Реформация поставила вопрос о «смерти Бога» в качестве ключевого для понимания бытия Бога. Ответы на этот вопрос лишили своей авторитетности метафизическое понятие Бога. Бога возможно мыслить только из смерти Иисуса Христа. Немецкий теолог описывает историю разрушения Бога метафизики по мере осмысления смерти Иисуса Христа. Первый шаг делает Гегель. В понятии «смерть Бога» он абсолютизирует конечное. Абстрактная бесконечность (Абсолют в прошлом) превращается в пустую негативность, становится лишь моментом Абсолюта [Jüngel 1977, S. 120].

Следующий шаг в истории разрушения Бога метафизики, по Юнгелю, совершает Ф. Ницше (схема Юнгеля невозможна без рецепции хайдеггеровской интерпретации Ницше как последнего метафизика). Немецкий теолог полагает, что Ницше пытался по-

⁶На наш взгляд, Лосев с двух сторон уничтожает Платона. Во-первых, с позиции неоплатонизма. Во-вторых, с точки зрения мифа.

⁷Лосев А.Ф. Философия имени. С. 127.

нять бытие Бога из его единства с преходящим. Вывод Ницше по Юнгелю заключается в том, что нельзя мыслить Бога в единстве с преходящим, не аннулируя метафизическую идею Бога [Jüngel 1977, S. 133, 202]. Традиция философского атеизма XIX в., по Юнгелю, укоренена в метафизике Р. Декарта. Эта метафизика, как мы уже писали, помещает между сущностью и существованием Бога *cogito*. Тем самым достоверность бесконечного (Бога) обосновывается в конечном *cogito*.

Лосев осовременивает неоплатонизм концепций всеединства. Как пишет Тереза Оболевич о концепции символа у Лосева:

Любая вещь, данная в своих интерпретациях, есть символ Перво-сущности, таким образом, одна отсылает к другой вещи, а все вместе и порознь к «неназываемому всеобъемлющему Первоимени» [Оболевич 2014, с. 261].

Эманация для него есть выражение смысла или энергии, которая несет в себе решительно всю определенность вещи: «Энергия сущности есть смысловая изваянность сущности, неотделимая от самой сущности, но отличная от нее»⁸. Взаимосвязь между сущностью и энергией (а она ассиметрична: сущность есть нечто большее, чем энергия) в Боге выступает прототипом символизации для всех других взаимосвязей. «Если сущность – имя и слово, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова»⁹, – утверждает Лосев.

Русский философ смотрит на философию Нового времени как на «опустошенную ангелологию» (в его версии христианского неоплатонизма ангелы заключают в себе эйдосы). Лосев пишет:

«Категории» Канта, понятие Гегеля, «эйдос» Гуссерля, «гипотеза» Когена и Наторпа, несомненно, есть только внутренне опустошенная ангелология¹⁰.

Однако, несмотря на все усилия, Лосеву, на наш взгляд, не удастся вписать в антично-христианскую неоплатоническую метафизику ни диалектику Гегеля, ни феноменологию Гуссерля.

Мышление Бога, по Юнгелю, отсылает нас к мышлению, которое по своей природе, как и мышление Лосева, является антикартезианским. Оно не проникает между сущностью и существованием

⁸ Лосев А.Ф. Философия имени. С. 143.

⁹ Там же. С. 127.

¹⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 377.

Бога в отличие от *cogito* Декарта. Вера гарантирует возможность мышления Бога в единстве его сущности и существования. Местом мышления Бога, который вытеснен из мира и становится «безместным» (*Ortlosigkeit*), выступает Слово Бога. Бог мыслится не в качестве метафизического Абсолюта, но как говорящий («живой») Бог. Слово Бога становится навязыванием серьезного отношения к Богу как говорящему. В момент распознавания мышление переживает себя, по Юнгелю, как уже распознавшее. Вере в мышлении Бога принадлежит конституирующая функция. Бог является причиной разговора. Вера выступает экзистенциальным отношением к говорящему. Слушая Слово Бога, человек приближается к себе [Jüngel 1977, S. 205, 206, 210, 215].

Нарративная теология Э. Юнгеля и диалектика мифа А.Ф. Лосева

Сравнительный анализ нарративной теологии Э. Юнгеля и концепции мифа А. Лосева демонстрирует не только диаметрально противоположность установок мыслителей, но и элементы единства их позиций. Немецкий богослов концептуализирует Бога в категориях жизни, свободы, любви, становления, возможности, изменения, события и Слова. Русский философ, осмысляя Бога, предпочитает использовать понятия сущности, смысла, действительности, неизменности.

Присутствие сакральной реальности для Юнгеля неразрывно связано с нарративом притчи. Событийно-словесная действительность Бога отражается в историческом повествовании, в нарративном бытии. Для Лосева миф не является только смысловым, литературным способом бытия. Это конкретная, чувственно-воспринимаемая жизненная реальность.

Притча, по Юнгелю, основана на катахрезе, что позволяет приблизиться к Богу в языке. Чтобы явилось новое и неожиданное, притча отрешается от традиционной лексики. Миф в концепции русского философа предполагает отрешенность от смысла вещи. В этом отношении он противостоит отрешенности в литературе как отрешенности от факта вещи.

У Юнгеля Бог присутствует в нарративе в качестве особой, диалогической речи, основанной на метафорах. Для Лосева миф выступает символически осуществленной интеллигенцией, реальностью смысла. Он обладает природой символа.

Личность понимается Юнгелем в контексте человечности Бога. Она предполагает способность к речи, экзистенциальному

пониманию, трансцендированию, обладает формой бытия в любви. У Лосева миф выступает формой энергийного самоутверждения личности. Это не просто личностный нарратив, но совпадение идеального и конкретно-исторического планов личности, т. е. своеобразная форма персоналистской метафизики¹¹.

Принципиальное расхождение позиций Юнгеля и Лосева в их рефлексии над сущностью христианства связано с противоположным отношением к культуре Нового времени в рамках их общего антикартезианства. Для немецкого теолога ядро христианской керигмы – смерть Бога – органически связано с традицией философского атеизма XIX века и раскрывается в ней не в меньшей степени, чем в теологии и религиозной философии. Русский философ также обращается к диалектике Гегеля и феноменологии Гуссерля в деле понимания события Откровения Бога, однако пытается встроить их в модель неоплатонической метафизики, из которой они, по его мнению, образовались. Юнгель успешно, на наш взгляд, продумывает событийную природу Откровения как Слова Бога, предложенную К. Бартом, используя фундаментальную онтологию М. Хайдеггера. Юнгель развивает теологическую герменевтическую онтологию, в которой событие Слова Бога обретает черты евангельского нарратива притчи. По мере деструкции, основанной на идее метафизического абсолюта дискурсивной теологии, с точки зрения немецкого мыслителя, свои позиции будет завоевывать нарративная теология.

Теология Юнгеля фундирует словоцентризм протестантского культа, вносит вклад в экспликацию нововременного образа христианства в протестантизме. Лосев, в свою очередь, не берется эксплицировать вне метафизики антично-средневековую мистериальную природу христианского культа в православии. Ему необходимо передать в своей философско-богословской мысли не только вербальный аспект события Откровения. Для выражения эстетического и мистического измерения Откровения русский философ привлекает метафизику с идеей неизменяемого Абсолюта. Нельзя не отметить, что в XX в. успешно развиваются формы теологии, предполагающие бытийный модус эстетического и мистического изводов Откровения, вне метафизики. Например, в теологической эстетике Г. Бальтазара или Ж. Мануакаса.

¹¹ См.: *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 400, 401, 431, 448, 452, 484, 548.

Источники

- Barth K. Kirchliche Dogmatik. München: Chr. Kaiser Verlag, 1932. Bd. 1. 524 s.
- Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

Литература

- Гоготишвили 1993 – Гоготишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М.: Мысль, 1993. С. 906–923.
- Коначева 2010 – Коначева С.А. Бытие. Священное. Бог. М.: РГГУ, 2010. 352 с.
- Коначева 2019 – Коначева С.А. Христологическая интерпретация Откровения в герменевтической теологии Э. Юнгеля // Философия религии: аналитические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 79–91.
- Оболевич 2014 – Оболевич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. М.: ББИ, 2014. 443 с.
- Пылаев 2017 – Пылаев М.А. Философские дискурсы в диалектической теологии и в теологии Слова Бога Карла Барта // Богословские размышления. 2017. Выпуск 19. С. 12–127.
- Резниченко 2014 – Резниченко А.И. Онтология языка у А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова. URL: <https://russophile.ru/2014/07/17/a-i-резниченко-онтология-языка-у-а-ф-л/> (дата обращения 18 июля 2023).
- Jüngel 1977 – Jüngel E. Gott als Geheimnis der Welt. Tübingen: Mohr, 1977. 564 s.
- Jüngel 1982 – Jüngel E. Barth-Studien. Zürich-Köln: Benziger Verlag, Guterlocher Verlagshaus Gerd Mohn, 1982. 347 s.

References

- Gogotischvili, L.A. (1993), “Religious-philosophical status of language”, Losev, A.F. *Bytie – Imya – Kosmos* [Being – Name – Cosmos], Mysl', Moscow, Russia, pp. 906–923.
- Jüngel, E. (1982), *Barth-Studien*, Benziger Verlag, Guterlocher Verlagshaus Gerd Mohn, Zürich-Köln, Germany.
- Jüngel, E. (1977), *Gott als Geheimnis der Welt*, Mohr, Tübingen, Germany.
- Konacheva, S.A. (2010), *Bytie. Svyashchennoe. Bog.* [Being, Sacred, God], RGGU, Moscow, Russia.
- Konacheva, S.A. (2019), “The Christological interpretation of Revelation in E. Jungel’s hermeneutical theology”, *Philosophy of Religion: Analytical studies*, vol. 3, no. 1, pp. 79–91.

- Obolevich, T. (2014), *Ot imyaslaviya k estetike. Kontseptsiya simvola Alekseya Loseva* [From imjaslavija to aesthetics. Alexey Losev's Concept of the Symbol], BBI, Moscow, Russia.
- Pylaev, M.A. (2017), "Philosophical discourses in dialectical theology and in Karl Barth's theology of the Word of God", *Theological Reflections*, iss. 19, pp. 12–127.
- Reznischenko, A.I. (2014), *Ontologiya yazyka u A.F. Loseva, P.A. Florenskogo i S.N. Bulgakova* [The ontology of language in A.F. Losev, P.A. Florensky and S.N. Bulgakov], available at: <https://russophile.ru/2014/07/17/a-i-reznichenko-ontologiya-yazyka-u-a-f-l/> (Accessed 18 July 2023).

Информация об авторе

Максим А. Пылаев, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б; maximpylajew@mail.ru.

Information about the author

Maksim A. Pylaev, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; bld. 23 B, Novokuznetskaya Street, Moscow, Russia, 115184; maximpylajew@mail.ru